**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

РОССИЙСКОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ:

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Выпуск 11

Издательство Томского университета
2011

В российском законодательстве вопрос о толковании юридических понятий коллизионных норм был впервые разрешен в норме п. 1 ст. 1187 ГК РФ: «При определении права, подлежащего применению, толкование юридических понятий осуществляется в соответствии с российским правом, если иное не предусмотрено законом». Поэтому в вышеприведенном примере квалификация понятия «место жительства» должна осуществляться по российскому праву.

При этом в п. 2 ст. 1187 ГК РФ закреплено, что «если при определении права, подлежащего применению, юридические понятия, требующие квалификации, неизвестны российскому праву или известны в ином словесном обозначении либо с другим содержанием и не могут быть определены посредством толкования в соответствии с российским правом, то при их квалификации может применяться иностранное право». Однако как отмечается в научной литературе, трудно представить ситуацию, когда в российской коллизионной норме содержались бы понятия, не известные российскому праву[1]. По крайней мере, в комментариях к указанным нормам такие примеры не приводятся.

Таким образом, в российском законодательстве разрешение проблемы «конфликта квалификаций» производится на основе принципа «закон суда».

В доктрине международного частного права высказывается точка зрения о необходимости создания общей базы понятий, которые будут иметь одинаковое содержание для всех государств[2]. На мой взгляд, это практически неосуществимо, так как необходимо учитывать различные исторические предпосылки появления именно такого толкования, а также социально-экономические, политические, культурные различия между государствами и, соответственно, различия в правовых традициях и системах. Поэтому квалификация юридических понятий, содержащихся в коллизионных нормах международного частного права, по принципу «закон суда» представляется оправданной и оптимальной в современных условиях.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ВНЕСЕНИЯ АРЕНДНЫХ ПРАВ В УСТАВНЫЙ КАПИТАЛ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТОВАРИЩЕСТВ И ОБЩЕСТВ

Т.А. Мальцев, студент НЮИ (ф) ТГУ
Научный руководитель – канд. юрид. наук ***Н.С. Карцева***

Согласно п. 2 ст. 615 ГК РФ арендатор вправе с согласия арендодателя вносить арендные права в качестве вклада в уставный капитал хозяйственных товариществ и обществ. Однако существующая правовая регламентация данного института не позволяет нам ответить на ряд вопросов, что ставит и арендодателя, и арендатора, и ор-

[1] См.: *Баришпольская Т.Ю.* ГК РФ и применение права в области международных частных отношений // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. тр.. М.: Статут, 2002. С. 230.

[2] См.: *Бирюкова Н.С.* Проблема квалификации понятий в правоприменительной практике при разрешении споров с иностранными участниками // Журнал российского права. М.: Норма, 2005. № 7. С. 55.

ганизацию, в чей уставный капитал вносятся арендные права, в затруднительное и невыгодное положение. Рассмотрим же ряд спорных моментов.

Первой проблемой является проблема неясности правовой природы отношений, возникающих между арендатором и хозяйственным товариществом (обществом). При внесении арендных прав в уставный капитал у товарищества (общества) возникают обязательственные права на имущество, являющееся объектом аренды[1]. Несмотря на то, что у хозяйственного товарищества (общества) возникает экономия на арендной плате (обязанность по уплате арендных платежей остаётся за арендатором), в чем, по мнению профессора Отнюковой, и заключается коммерческий смысл данного института, отношения между арендатором и хозяйственным товариществом или обществом, как это отмечают Е.Н. Смирнова и К.И. Скловский, являются возмездными. Следовательно, передача арендатором арендных прав в уставный капитал хозяйственного товарищества или общества является возмездным обязательством[2] по передаче права пользования или владения и пользования имуществом на определённый срок, но ни законодатели, ни судьи арендным обязательством это не признают.

Следующей проблемой, на которой стоит остановиться, является проблема объёма передаваемых арендатором в уставный капитал прав. В связи с тем, что законодательная база не урегулировала данный вопрос, отдельные цивилисты сформировали свои, подчас парадоксальные точки зрения по данному вопросу. Так, например, Ю.А. Тарасенко пришёл к выводу о том, что «в уставный капитал может быть внесено только право пользования имуществом». Мы же поддерживаем точку зрения профессора Ломидзе, считающего, что Тарасенко игнорирует реальное положение дел в угоду юридическому построению, что ограничивает возможности и ущемляет интересы участников рассматриваемых отношений.

Последняя проблема, на которой следует остановиться, это участие арендодателя в отношениях по внесению арендных прав в уставный капитал. Ведь согласно п. 2 ст. 615 ГК РФ требуется получение его согласия на подобную сделку, в то время как в ч. 5 ст. 22 ЗК РФ при внесении арендных прав на земельный участок в уставный капитал требуется лишь уведомить арендодателя. В результате анализа ситуации с позиции гл. 24 ГК РФ мы пришли к выводу, что при внесении арендатором арендных прав в уставный капитал на товарищество (общество) также возлагается обязанность по пользованию арендованным имуществом в соответствии с условиями первоначального договора аренды (либо в соответствии с назначением имущества). Данную точку зрения поддерживают А.П. Сергеев и Ю.К. Толстой. А следовательно, и получение согласия арендодателя на указанную в п. 2 ст. 615 сделку является обязательным.

Существуют и иные проблемы регламентации данного института. Подводя итог, следует сказать, что совершенствование законодательства в данном направлении позволит защитить права и законные интересы участников гражданского оборота.

---

[1] Об этом, в частности, говорит нам п. 17 Постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 1.07.1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой ГК РФ».

[2] Ю.А. Тарасенко, в свою очередь, отказывается признавать данные отношения обязательством, нарекая их корпоративными отношениями, где нет ни должника, ни кредитора.